

ДЖЕННИФЕР
ДОУСОН

*Лобедитель
полагает все*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д71

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer Dawson

THE WINNER TAKES IT ALL

Перевод с английского *А. Е. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Доусон, Дженнифер.

Д71 Победитель получает все : роман / Дженнифер Доусон ;
[пер. с англ. А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство
АСТ, 2017. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-094656-3

Миллионер Шейн Donovan, впервые встретив Сесили Райли среди суеты и суматохи подготовки к свадьбе своей сестры, принял ее за «снежную королеву», холодность и самовлюбленность которой уступают лишь ее красоте. Однако постепенно он начал понимать, что за внешностью ледяной карьеристки скрывается обычная молодая женщина, мечтающая, как и все, о любви и счастье, отношениях и семье. Вопрос лишь в том, способен ли Шейн, в жизни которого давно уже нет ничего, кроме утомительной работы и скучных случайных связей, стать тем единственным, кто даст Сесили все это?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094656-3

© Jennifer Dawson, 2014
© Перевод. А. Е. Мосейченко, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

— О нас опять трубят в газетах, причем на первой полосе, — из динамика автомобиля раздавался чрезвычайно довольный голос Натаниэла Райли.

Ничего удивительного. У такой сенсационной новости, как эта, не было никаких шансов очутиться на последней газетной странице. Репортеры никак не могли обойти ее вниманием, ведь тем самым они вскользь напоминали о случае с «шантажом сенатора», который еще не совсем выветрился из людской памяти.

Сесили несколько раз нажала на кнопку, регулирующую громкость — голос из динамика раздражал ее своей силой и самодовольством.

— Все идет по плану, не так ли?!

— Неужели ты не рада? Мне кажется, ты должна петь от счастья.

Голос отца, почти урчащий от удовольствия, очень походил на мурлыканье кота.

Сесили стиснула пальцами кожаный руль.

От счастья?! Более неподходящего слова подобрать невозможно. Интересно, когда в последний раз она была по-настоящему счастлива?!

Стоп. Сейчас не время для философских рассуждений. Какая уж тут философия, когда речь о приближавшихся выборах и месте в конгрессе. Ради победы — все средства хороши.

Как ни крути, но это был сильный ход.

Ей необходимо победить.

Болезненно стянуло живот, но Сесили тут же подавила минутную вспышку смутной тревоги. Умение владеть своими чувствами давно вошло у нее в привычку.

Впереди возник дорожный указатель. «Ривайвл. 15 миль». Место, навсегда связанное в ее памяти с беззаботной радостью и счастьем.

Ее увлек стремительный поток воспоминаний.

— Сесили? — голос отца прервал течение ее мыслей. — Тебе понравилась статья в газете? Что ты об этом думаешь?

Что она думает? Хм, она ее даже не читала. Утром она выбросила газету в мусорное ведро, даже не раскрыв, а затем стерла в Гугле все ссылки на ее электронный адрес. Событие довольно-таки банальное, однако тщательно подготовленное и реализованное со знанием дела лучшими советниками сенатора. Первый шаг из многих, целью которых была завершающая пресс-конференция, на которой Сесили предстояло объявить о своем намерении баллотироваться в конгресс. Это было частью тщательно продуманной — ею лично — стратегии по поддержке связей с общественностью.

От нервного напряжения Сесили стало жарко. Она добавила мощности кондиционеру в своем «мерседесе», холодный освежающий воздух помог ей выпустить лишний пар.

— Прекрасная работа, Пол как всегда на высоте, — после многолетней тренировки нужные слова автоматически слетали с ее губ.

— Ты была недоступна, и мы с Майлзом дали согласие.

Это прозвучало как нечто само собой разумеющееся и вместе с тем ужасно обидно.

— Разумеется, — натренированный голос Сесили звучал ровно, как и прежде, но в душе у нее все кипело. Почему же это так задело?

Необходимо быстро взять себя в руки. Такова плата, — за все приходится платить в этой жизни, — за ее мечту. Не стоило так расстраиваться из-за подобных пустяков.

Всю свою жизнь, сколько она себя помнила, Сесили мечтала стать политиком. В детстве, когда все девочки воображают себя принцессами из какой-нибудь сказочной страны, она представляла себя в роли президента, сидящего на своем месте в Овальном кабинете. Это была ее самая заветная мечта. Ради политических амбиций отца Сесили временно поступилась своей карьерой, но все рухнуло в одночасье, когда разразился страшный скандал, в котором был замешан отец. Она сидела

на кухне и читала ту самую ужасную статью, как вдруг почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног.

Некую молодую особу, пытавшуюся шантажировать сенатора, все-таки уличили в клевете, гнусная шантажистка была разоблачена, но победа досталась дорогой ценой. Сесили удалось потушить пламя грязного скандала, приписав все жажде обогащения, овладевшей юной шантажисткой. План сработал, репутацию отца удалось спасти, но Сесили никак не могла отделаться от непонятно откуда взявшегося ощущения тревоги.

Далеко не первый раз она выручала отца, столь рискованные поступки, в конце концов, приведут к печальному финалу. И перед ней возник мучительный вопрос: что же тогда станет с ней?

Она вздрогнула, как от пощечины. Как от сирены пожарной машины.

— Я горжусь тобой, Сесили. — В ее воображении тут же возник образ самодовольного отца, сидящего в своем огромном кожаном кресле в столь же огромном офисе в Вашингтоне с бокалом виски в руке. Раньше, принимая похвалу отца за чистую монету, она, образно говоря, принималась стучать хвостом от удовольствия, как маленький щенок, но теперь ясно видела, что он ее обманывает. Он нисколько не гордился ею. Этот последний план казался очень удачным, но, как смутно подозревала Сесили, не столько для нее, сколько для отца.

Как всегда, она почти ничего не выигрывала, если выигрывал отец.

Взглянув горькой правде в лицо, Сесили не утратила стойкости и решительности.

Промелькнул знак, ограничивающий скорость. Сбросив газ, Сесили стала подбирать слова благодарности в ответ на комплимент отца, как вдруг у нее невольно вырвалось нечто противоположное:

— А что, у тебя есть какие-то сомнения на мой счет?

— Сколько можно говорить об этом. Я же знаю, ты отдаешь всю себя работе, — произнес Натаниэл Райли, его покровительственный тон окончательно вывел ее из себя.

Сесили бросило в пот, машинально она понизила температуру воздуха до уровня арктического холода. Подобные приливы жара, характерные скорее для женщины в период климакса, чем для тридцатитрехлетней, усиливали раздражение. От обиды у нее перехватывало дыхание.

— Ты воспринимаешь это как нечто само собой разумеющееся, не так ли?

— А как же иначе?

«Но ведь я же твоя дочь, разве не так?» Сесили едва не расплакалась от обиды и от осознания горькой правды, слезы душили ее. А отец... он даже не заметил, как сильно она огорчена?! Это лишь увеличивало ее душевные страдания.

Она покачала головой: впрочем, какое это имело теперь значение? В сущности, никакого. А если так, то ей оставалось только одно — освободиться от власти отца. Вскинув голову, она четко и ясно произнесла:

— Иначе не может и быть. Это все, или ты хочешь еще что-нибудь сказать?

В салоне «мерседеса» повисла тишина, как будто внезапно прервалась связь. Сесили едва не вскрикнула от радости — хотя на плоской равнине Иллинойса посреди вспаханных полей абсолютная тишина вряд ли была возможна, — но звук скрипнувшего кресла разрушил ее надежды.

— Ты уже приехала туда?

Стиснув зубы, отчего боль в ее голове запульсировала с новой силой, Сесили проговорила:

— Почти. Осталось около четверти часа езды, не более.

— А твоя мать? — отрывисто спросил Натаниэл Райли.

Хотя прежней Сесили хотелось верить, что, несмотря на превозношение собственного «я» и всевозможные оправдания своей собственной вины, отец по-прежнему любит мать, у новой Сесили больше не было на этот счет никаких иллюзий.

— Она уже там.

Перед глазами промелькнул дорожный указатель «Ривайвл. 12 миль».

После похорон бабушки она ни разу не была здесь.

Внезапно у нее перехватило дыхание, слезы подступили к горлу. Сделав усилие, Сесили поборолла в себе секундную слабость.

— Ясно, — отозвался отец. В машине опять повисло гнетущее молчание.

Мысль о двух неделях, которые ей предстояло провести в родном доме, не вызывала у Сесили ничего, кроме ужаса, смешанного с неприязнью. Не то чтобы она завидовала

Митчу, вовсе нет, дело было в том, что ей не хотелось присутствовать на предстоящем празднестве.

В чем крылась подлинная причина подобного нежелания? Как ни странно, Сесили боялась признаваться самой себе в этом.

Она настолько была напряжена, что невольно изо всех сил стиснула руль так, что побелели костяшки пальцев.

— Я по-прежнему считаю, что для наших целей двух дней перед свадьбой в кругу близких вполне хватит.

— Сесили, напоминаю тебе еще раз: избирателям нравятся свадьбы, — терпеливо произнес Натаниэл. — В их глазах мы должны выглядеть дружной, единой семьей, что также пойдет на пользу и твоему образу.

Несмотря на всю убедительность его довода, Сесили попыталась еще раз увильнуть от того груза, который отец хотел возложить на ее плечи.

— Может, все-таки двух-трех дней будет достаточно?

— При других обстоятельствах было бы достаточно, но не в нашем положении, когда со стороны невесты присутствует сам Шейн Донован, а этот бизнесмен прекрасно умеет обыгрывать подобные ситуации. Без нас это будет выглядеть не очень красиво.

Образ Шейна, — как раз о нем Сесили пыталась не думать, — возник в ее сознании подобно вспышке молнии. Шейн Донован, глава одной из крупнейших корпораций в Чикаго, выдавал замуж сестру за сына известного сенатора. В последние дни эта новость стала самой горячей. Не будь там его, Сесили с удовольствием приехала бы в свой родной дом, чтобы повидаться с близкими.

— Ловко, ты остаешься в Вашингтоне, а отдуваться за нас обоим придется мне, — бросила в ответ Сесили.

— У меня работа в комитете, — парировал Натаниэл.

Его ложь вывела Сесили из себя. Уже не думая о последствиях, она упрекнула его в лицемерии:

— Ну конечно, избиратели не должны знать о том, что ни твоя жена, ни твой сын даже не хотят разговаривать с тобой.

— Не забывайся, я ведь твой отец.

У Сесили сжалось сердце. Отец — на словах, а не на деле. Она никогда не чувствовала искренней отцовской поддержки. Очень сдержанно она проговорила:

— Мне кажется, что в этом нет особой необходимости.

— Послушай меня, в этом как раз есть необходимость.

Сесили горько усмехнулась:

— Ты чуть было не погубил себя. Твоя карьера политика едва не закончилась крахом. И после всего ты предлагаешь слушаться тебя?

— До моего политического краха очень далеко, намного дальше, чем ты думаешь. — Голос отца стал таким ледяным, что от него ее кожа покрылась мурашками. — Мой принцип прост, но жесток: действовать, исходя из реальной ситуации, вот почему я всегда добиваюсь своего. Если ты намерена выигрывать и побеждать, ты должна научиться действовать точно так же.

Как ни хотелось Сесили возразить ему, едкий ответ уже висел на кончике ее языка, но привычка к послушанию оказалась сильнее. Вздохнув, она тихо промолвила:

— Понятно.

Умение проявлять гибкость — качество весьма ценное для политика: для того чтобы выиграть военную кампанию, иногда стоило уклониться от сражения. Уловка, на которую пошла Сесили, удалась.

— Вот и хорошо. Действуй по плану. — Голос отца сразу смягчился.

Ну, конечно, по плану. Ее жизнь и так была распланирована до мелочей — еда, сон, работа.

Промелькнул очередной указатель. «Ривайвл. 8 миль».

Впереди ее ждали две недели с Шейном. С его острым языком и осуждающим взглядом. Две недели исполнять роль Снежной Королевы, быть совершенно равнодушной к нему, притворяться, лишь бы он ничего не заподозрил.

От одной этой мысли Сесили уже стало как-то не по себе, она засомневалась в своих силах.

— Разумеется, как мы и договаривались.

— В таком случае, — голос Натаниэла зазвучал торжественно, Сесили моментально насторожилась, — мне хочется тебя обрадовать. Сегодня утром я разговаривал с Майлзом и Полом, мы единодушно решили — пора. Сразу после свадьбы объявим, что ты выставляешь свою кандидатуру на выборах.

— Что ты имеешь в виду, говоря «сразу после свадьбы»? — нахмурилась Сесили.

— На свадебное торжество мы пригласим репортеров с целью осветить, как и полагается, данное событие, и во время праздника ты как бы случайно обмол-

вишься о своем намерении, а на другой день устроим пресс-конференцию.

— Нет, — возразила Сесили. Неужели для отца нет ничего святого? — Это свадьба Митча, это его праздник, пусть он им и останется.

— Такой удобный случай. Его нельзя упус...

— Нет, — оборвала отца Сесили. — Это моя предвыборная кампания, и мне решать, как и когда ее начинать.

Ее отношения с братом никак нельзя было назвать близкими и теплыми, находить с Митчем общий язык было не просто, но Сесили уважала брата, особенно его стойкость, с которой тот встретил известие об уходе отца. Нет, она не собиралась портить брату торжество с целью заработать побольше голосов во время выборов.

— Сесили, откровенно говоря, у тебя мало шансов на победу.

Что верно, то верно. Причин, мешавших ей победить на выборах, было не перечислить, но Сесили едва не тошнило от отцовского лицемерия, ведь он тоже навредил ей, и немало.

Не помня себя от злости, она ответила:

— Все благодаря тебе и твоей юной помощнице, которую как раз я не советовала тебе брать на работу.

— Как ни трудно тебе в этом сознаться, но нам обоим прекрасно известно, что твой имидж требует доработки.

Отец умел вежливо унизить ее.

У Сесили от обиды стеснило грудь.

— Пусть так, но ведь шантажировали не меня, а тебя.

— Ну и что тут такого? Избиратели уже простили меня. В конце концов, я не совершил ничего плохого.

— Ха! Просто тебя не поймали с поличным. Вот и вся разница.

— Дорогая, между реальностью и ее восприятием очень большая разница. Тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

Что отец хотел этим сказать? В его голосе было столько ехидной уверенности, что Сесили даже опешила. Ему как будто было известно о ней что-то такое, о чем она, видимо, не догадывалась.

— В таком случае придется поработать над моим восприятием.

Каким должно быть это восприятие? Ах, если бы только она знала, она немедленно принялась бы за его усовершенствование.

Из динамика раздался протяжный, удрученный вздох.

— Ты не умеешь налаживать отношения с людьми. Твои действия логичны и прагматичны, конечно, это полезные качества, но не они помогают завоевать голоса избирателей. Надо уметь нравиться избирателям, привлекать их, внушая им приятную мысль, что власть в их руках. Ты должна говорить на их языке, видеть мир их глазами, а тебе этого не дано.

Слова отца — в них, несомненно, была горькая истина — попали в цель, Сесили сильно расстроилась. Слезы навернулись на глаза, но она прогнала их. Чтобы она расплакалась?! Ни за что на свете! Со злой иронией она произнесла приторно сладким голосом:

— Не всякий умеет так поднять дух и пробудить энтузиазм, как ты.

Никогда нельзя показывать слабость. Никогда нельзя паковать.

— Сесили, говорить тебе правду — это не только мое право, но и мой долг.

Волна возмущения захлестнула Сесили, и снова, благодаря выдержке, она погасила эмоциональную вспышку.

— Я не позволю тебе испортить Митчу свадьбу ради того, чтобы ты мог выступить в роли любящего отца перед толпой репортеров.

Сесили мастерски владела своим голосом, он звучал ровно и сдержанно, в нем не было слышно ни малейших ноток возмущения. Обида была прочно загнана внутрь и спрятана на самом дне души.

Отцу явно нравилось говорить правду прямо ей в глаза — видимо, он считал себя непогрешимым и умнее ее в сто раз. Неплохо было бы немного сбить с него спесь, бросить правду ему в лицо, оплатив той же монетой.

— Если тебе так необходимо наладить отношения с мамой в преддверии грядущих выборов, то я, как твой референт, могу дать тебе дельный совет: не надо использовать своего сына с целью повысить свой рейтинг при опросе общественного мнения. Действуя таким образом, ты добьешься прямо противоположного эффекта. Мама возненавидит

тебя. Кто знает, может, она и так уже ненавидит тебя за связь с практиканткой, которая моложе меня, твоей дочери?

— Попридержи язык. — Натаниэл Райли явно разгневался.

Отец не умел сдерживать себя, беседуя с дочерью. Совсем другое дело, когда он выступал перед избирателями — тогда это был профессионал, знавший, как разговаривать с людьми, и умевший это делать.

— Я с ней не спал. Ясно?

— Не считай меня круглой дурочкой! Неужели ты думаешь, что я не замечала, как ты млел перед ее прелестями? Как красовался перед ней?

Прошло почти полминуты, прежде чем Натаниэл Райли произнес свистящим шепотом:

— Ты говорила об этом матери?

Усмехнувшись, Сесили покачала головой. Это было абсолютно в его духе. Как всегда, он прежде всего прикрывал свою задницу.

Перед ее глазами промелькнул очередной указатель с названием «Ривайвл».

— Всего доброго, папа.

Он отключился, даже не попрощавшись.

Сесили тяжело и протяжно вздохнула. Разговор оказался тягостным. Она сумела постоять за себя, под конец даже взять верх, но победа не доставила ей радости.

Впереди возник знак. Поворот на Ривайвл.

Она сбросила скорость и сместилась в крайний правый ряд. В голове и мыслях царил полный сумбур — семейный разлад, Шейн Донован, свадьба брата; надо было отбросить все это, не имевшее в ее глазах особого значения, в сторону и сосредоточиться на самом главном. На предстоящих выборах. И ее победе.

Победа на выборах — ее самая заветная мечта, ради нее Сесили была готова пожертвовать, чем угодно.

Минут пять Сесили тщетно стучала в двери дома брата. Бесплезно. Устав, она оглядела передний двор, на котором росли дубы и ивы, старинные друзья ее детских игр. Но теперь вместо кустарника, как во времена бабушки, свободное место занимали гортензия, лаванда, гвоздика и зелень, что красноречиво говорило о кулинарных увлечениях ее будущей невестки. Сесили попала в какой-то перепутанный

мир, время как будто остановилось, окружающая реальность казалась одновременно близкой, хорошо знакомой и в то же время чужой и чуждой.

Слабый ветерок привычно шумел, пытаясь проникнуть под крышу над старым крыльцом. От детских воспоминаний у Сесили защемило сердце. Боже, сколько летних вечеров она провела на этом крыльце, вдыхая пряный густой запах надвигающейся ночи. Нет, довольно глупостей! А вот и река, раньше она вилась прямо у ног бабушки, которая читала вслух ее любимую детскую книгу.

Перед мысленным взором Сесили возникла бабушка: она сидела, как живая, перед домом в своем домашнем халате. Бабушку никак нельзя было отделить от всего того, что ее окружало. От видений из прошлого у Сесили перехватило дыхание.

Интересно, как отнеслась бы бабушка к ней, если бы увидела ее такой, какой она стала теперь?

Сесили раздраженно вздохнула, словно выпуская пар. Откуда только у нее могли возникнуть подобные мысли? Это все пустое, лишнее, ненужное... Нет, надо взять себя в руки. Страхнув с себя наваждение, она позвонила в дверь, и снова безрезультатно, тогда Сесили с новой силой принялась стучать.

Внутри по-прежнему было тихо. Машинально она повернула ручку, и та неожиданно поддалась. Вероятно, ее ожидали. Недолго думая, Сесили зашла в дом. Каблочки ее туфель громко застучали по тщательно отполированному, что красноречивее любых слов говорило о чьей-то заботе, полу.

— Эй, я приехала, — громко произнесла Сесили, с любопытством рассматривая стены прихожей. Раньше они были обклеены розовыми обоями, а теперь выкрашены в нежно-серый цвет; к ее удивлению, новый интерьер выглядел прекрасно.

Сесили снова крикнула:

— Эй, это я.

В ответ из глубины дома послышался мужской голос:

— Я на кухне.

Сесили рассердилась: почему он не подошел, чтобы открыть двери? Бросив сумку на скамью в прихожей, она пошла на голос. Пройдя по длинному узкому коридору, она оказалась перед старыми дверьми на кухню, от-

крывавшимися как в одну, так и в другую сторону. Эти двери, являющиеся достопримечательностью дома, были здесь с момента его постройки.

Кухня представляла собой разительный контраст с той кухней, которая сохранилась в ее памяти. Она выглядела как новенькая, обстановка не только отвечала современным требованиям, но даже опережала их. Вокруг все сверкало и блестело, начиная с всевозможного кухонного оборудования из нержавеющей стали и заканчивая отполированными гранитными столешницами и стойками бара.

Под огромной, явно сделанной на заказ двойной раковиной лежало распростертое на полу мужское тело. Головы было не видно.

— Подай мне, пожалуйста, разводной ключ.

Какой знакомый голос! Как всегда, от одного его звука у Сесили по спине побежали мурашки. Она сделала усилие, чтобы подавить охватившую ее дрожь. Ну конечно, иначе просто не могло быть! Первым, с кем она повстречалась, оказался не кто иной, как Шейн Донован.

Согнув ногу в колене, он слегка ею покачивал. Неприужденность позы, не лишенной некоторой сексуальности, оказала возбуждающее действие. Во рту у Сесили пересохло, сердце подпрыгнуло и, как ей показалось, забилось с удвоенной скоростью.

Ну почему он? Из всех мужчин, с которыми она встречалась на работе, а их было предостаточно, почему именно он так влиял на нее? Более того, он принадлежал к числу ее политических противников. Сесили содрогнулась от столь ужасной мысли.

Это выглядело просто... неприлично.

В отличие от ее сознания, ее тело напрочь отметало подобные соображения. Оно перестало ее слушаться уже во время их первой встречи, на вечеринке, на которой отмечалась помолвка Митча и Мадди. Во время их краткого рукопожатия, как ей показалось, между их ладонями проскочила искра, что привело Сесили в замешательство. Она едва не вырвала свою ладонь из его руки, но вовремя сдержалась, изо всех сил пытаясь сохранить, — она не знала, насколько хорошо ей удалось справиться с этой задачей, — невозмутимо-равнодушный вид.

Судя по всему, она ему не понравилась, но ей это было даже на руку. Если она и впредь будет вызывать

у него неприязнь, то он, вероятно, станет избегать ее: чем дальше от него, тем для нее лучше. Так безопаснее.

Сесили подошла к ящику с инструментами и замерла. Вблизи его поза казалась еще привлекательнее, еще соблазнительнее. Она поморщилась, досадуя на свою реакцию.

Она хоть и морщилась, но не отводила глаз от живописно распростертого на полу Шейна Донована. Широкие плечи, выпуклая грудь, плоский живот, мускулистые руки и ноги — все это вместе взятое невольно привлекало внимание. Раньше, когда она встречалась с ним, на нем всегда был деловой костюм, зато сегодня он был одет совсем просто — выцветшие джинсы и спортивная майка. Это казалось нелепым — откуда у мужчины, большую часть работы которого составляли переговоры и совещания, такое прекрасное мускулистое тело? Это не только нелепо, но даже преступно — скрывать такое великолепие под деловым костюмом!

Сесили, привыкшая анализировать свои чувства, никак не могла понять, почему ее так влечет к нему. Да, природа не обделила Шейна Донована. Ну и что тут такого? Среди ее знакомых немало мужчин с привлекательной внешностью! Однако между мужчинами, с которыми она встречалась, и Шейном Донованом, кроме внешней красоты, больше не было ничего общего. Ей нравились мужчины, которые, как и она, серьезно занимались политикой, а не увлекались чувственными наслаждениями. В ее отношениях с мужчинами секс стоял на втором месте, первое место занимала близость интеллектуальная. Сексуальных проблем у нее не было — во всяком случае, она ни на что не жаловалась. Ее прежние увлечения были не только приятными, но и благопристойными, они никогда не выходили за рамки приличий. Поведение Шейна Донована, как и весь его облик, не обещало ничего пристойного. Более того, секс с ним — в этом Сесили не сомневалась — вряд ли будет просто приятным.

Нет, нет, он ей не нравится! И довольно. Больше тут говорить не о чем.

Вот только ее либидо категорически не хотело с ней соглашаться.

Под раковиной что-то звякнуло, и тут же раздалось чертыханье. Вытянув руку, Донован потребовал:

— Ключ.

Молча подняв ключ, Сесили пихнула его — довольно

14 грубо — ему в руку.

— Полегче, дорогая.

В его голосе было столько тепла, что сразу стало ясно — оно предназначалось не ей.

К кому он обращался так ласково, так нежно? У Сесили сразу сладко сжалось сердце, но через миг ее больно уколола совсем простая мысль: неужели в ближайшее время на ее глазах он будет так нежно ухаживать за другой женщиной?

От этой мысли ей почему-то стало так грустно, что, не выдержав, она сердито буркнула:

— Никакая я вам не дорогая.

Донован замер, но через миг начал медленно и плавно, примерно как соблазнитель в плохом порнофильме, выползать из-под раковины. Как только он увидел Сесили, в его блестящих зеленых глазах отразилось нечто, похожее на симпатию, а на лице появился явный интерес.

— Кто к нам пожаловал, сама Снежная Королева!

Это было придуманное им для нее прозвище. Раньше он ни разу не называл ее «дорогая» — видимо, такая мысль никогда не приходила ему в голову.

Сесили сразу ощетибилась, данное им прозвище ей совсем не нравилось. Хотя какое ей дело до того, как он ее называл?! Если разговор и дальше будет продолжаться в таком духе, она сумеет поставить его на место. За подобными нежностями — это было прекрасно известно любой феминистке — скрывалось пренебрежение и отсутствие серьезности и должного уважения к женщине.

— Где молодые?

Она, как и ожидал Шейн, выступила в привычной для себя роли, ее напускное равнодушие и холодный тон не действовали на него, ведь это была игра, маска, которую она надевала.

Легкость, с какой он, встав на ноги, выпрямился, удивляла — даже не верилось, что он весит больше двухсот фунтов. Открыв кран, Шейн начал мыть руки.

— Ваш брат на заднем дворе.

Было хорошо видно, как под тонкой майкой перекатываются мышцы на его плечах.

Сесили встряхнула головой. Как хорошо, что ей, в сущности, безразличны широкие плечи, выпуклая грудь, упругие бедра. Здравый смысл, рациональность — качества, на которые она привыкла опираться, — позволяли ей не идти на поводу у гормонов.